

ТАЛЕХ ОРУДЖОВ

КОЛЫБЕЛЬ
ТЕНЕЙ

Оруджов Талех

Колыбель теней

«Автор»

2026

Талех О.

Колыбель теней / О. Талех — «Автор», 2026

Когда я начинал писать «Колыбель теней», мне хотелось рассказать не столько об необычных способностях и тайнах, сколько о людях. О том возрасте, когда кажется, что впереди ещё бесконечно много времени, — а потом привычный мир внезапно заканчивается. О тех, кого ты не выбирал, но кто постепенно становится ближе семьи. О дороге, на которой невозможно заранее понять, куда она приведёт. Это история о молодых людях, оказавшихся внутри событий, гораздо больших, чем они сами. Они боятся, ошибаются, привязываются друг к другу и пытаются сохранить в себе что-то человеческое, пока вокруг становится всё меньше вещей, которым можно доверять. Здесь нет простой границы между добром и злом. Иногда спасение имеет цену, правда оказывается опаснее лжи, а свобода пугает сильнее клетки. Для меня «Колыбель теней» — прежде всего история взросления. Только взросления в мире, где некоторые тени появились задолго до твоего рождения.

© Талех О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Оруджов Талех

Колыбель теней

Глава

Талех Оруджов
Колыбель теней

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Частота падающих звёзд 1–9
16. Зверь 132–142
2. Радио на тридцать станций 10–16
17. Город, который молчал 143–148
3. Алфавитный порядок доверия 17–22
18. Санаторий 149–154
4. Карта из серебристых линий 23–33
19. Колыбель 155–169
5. Сердце, что держит стихии 34–51
20. Побочные эффекты 170–176
6. Точка возгорания сахара 52–59
21. Перекрёсток 177–185
7. Когда цикады затихают 60–63
22. Там, где ломаются кости 186–203
8. Запах озона в гостиной 64–69
23. Натяжение 204–217
9. Последнее правило у свечи 70–73
24. За день до 218–227
10. Туда, где сосны смыкают кроны 74–80
25. Пока мы дышим 228–237
11. Чужие частоты 81–90
26. Миллерс-Ридж 238–250
12. Люди, которые смотрят на горы 91–101
27. Резонанс 251–270
13. Частота, которой не должно быть 102–113

28. Хранилище 271–285

14. Темнота, которая не дышит 114–123

29. Все имена, которых нет 286–297

15. То, что осталось за спиной 124–131

30. Дорога, которой нет на карте 298–309

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Частота падающих звёзд

Миллерс-Ридж засыпал рано. К десяти вечера редкие машины уже не столько ехали по главной улице, сколько нарушали сложившуюся тишину; окна гасли одно за другим, а фонари на ветру казались чуть менее надёжными, чем днём. Город лежал в ложбине между невысокими холмами, старый и привычный до такой степени, что его легко было принять за место, где ничего по-настоящему важного случиться не может. Кaleb Ашер любил его именно за это. Ему было восемнадцать, и лучшее место на земле находилось в чаще леса, в миле от города. Старый ржавый фургон, «Форд» семидесятых, с выломанными сиденьями и дырой в полу, сквозь которую пробивалась трава. Колёса давно сгнили, кузов врос в землю — как корабль, выброшенный на берег и забытый приливом. Мох покрывал капот зелёным бархатом. В бардачке жила мышиная семья — Кaleb слышал их простые, ясные мысли: «Тепло. Еда. Безопасно». Он им завидовал.

На крыше фургона, под бесконечным августовским небом, Кaleb чувствовал себя почти нормальным. Голоса затихали. Не исчезали совсем — они никогда не исчезали, — но становились тише. Как радио, уведённое в другую комнату. Как дождь за окном. Как дыхание спящего города. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел на звёзды. Август подходил к концу. Пик Персеид уже прошёл, но отдельные метеоры всё ещё чиркали по чёрному бархату, оставляя серебряные полосы, которые гасли быстрее мысли.

— Ты его сожжёшь.

— Я его подрумяню.

Ронан Вэйд сидел рядом, свесив босые ноги с крыши, и держал на ладони маленький огонёк — ровное золотистое пламя, похожее на лепесток тюльпана. Над огоньком, нанизанный на прутик, дрожал зефир. Пламя плясало, лизало сахарную плоть, и в темноте было видно, как мерцают янтарные искры в зрачках Ронана — безошибочный признак сосредоточенности.

— Это разные вещи, — продолжал Ронан, не отрывая взгляда от зефира. — Как загар. Ты же не кричишь человеку на пляже: «Эй, ты сторел, идиот». Ты говоришь: «У тебя красивый загар». А внутри завидуешь, потому что сам обгораешь за пятнадцать минут и потом неделю ходишь красный, как варёный рак.

— Это очень специфичный пример.

— Это мой личный опыт. Я рыжий, Кaleb. У меня два варианта: либо быть бледным как поганка, либо красным как помидор. Третьего не дано.

— Ты можешь сам себя обогреть. Это твой третий вариант.

— Я не могу загорать от собственного пламени. Пробовал — получаются только ожоги. — Ронан поморщился и машинально потёр шрамы на предплечьях — серебристые, блестящие в лунном свете. — И шрамы.

Зефир начал темнеть — медленно, неравномерно. Ронан закусил губу. Пламя на его ладони дрогнуло.

— Почти... почти... сейчас будет идеальная золотистая корочка...

Зефир вспыхнул. Чёрный дым взвился в ночное небо. Обгоревший комок сполз с прутика и упал в траву, где ещё секунду тлел, прежде чем погаснуть.

— Чёрт.

Ронан задул пламя на ладони и сунул прутик в рот — чтобы чем-то занять рот. Поморщился.

— Вкусно? — спросил Калёб.

— Как пепел и сожаление. С нотками карамели. Если очень-очень сильно напярчь воображение. И добавить сахара. И, может быть, амнезию, чтобы забыть, каким он должен был быть на самом деле.

— Ты драматизируешь.

— Я реалист. Реалист, который только что кремировал невинный зефир.

— Ты держишь его слишком близко, — раздался голос снизу. — Если расположить на расстоянии семи целых трёх десятых сантиметра от источника пламени, тепловое излучение распределяется равномерно. Я проводил замеры.

Сайлас Винн сидел в проёме фургона, скрестив ноги, и при свете налобного фонарика собирал какой-то механизм. Вокруг него, разложенные на старом одеяле в идеальном порядке, блестели инструменты. Медные пластины, транзисторы, моток тонкой проволоки. Всё подписано. Всё на своих местах.

— Ты проводил замеры зефира? — Ронан уставился на него.

— Я провожу замеры всего. Зефир — объект исследования с интересными термическими свойствами. Например, знаешь ли ты, что точка возгорания маршмеллоу зависит от содержания влаги? Чем суше зефир, тем быстрее он загорается. Я составил график.

Сайлас достал из кармана блокнот — потрёпанный, с загнутыми уголками, — и пролистал до нужной страницы.

— Вот. Я даже построил график. Чем дольше зефир лежит на воздухе, тем быстрее подсыхает поверхность и тем легче он вспыхивает. Твой пролежал слишком долго.

Ронан открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Ты... ты взял мой зефир и измерил его влажность?!

— Разумеется. Как иначе я мог бы дать тебе точную рекомендацию?

— Ты не давал мне рекомендацию! Ты сидел и смотрел, как я его сжигаю!

— Я собирал данные. — Сайлас поправил очки. — Это более ценно в долгосрочной перспективе.

— Более ценно?! — Ронан спрыгнул с крыши и приземлился перед фургоном. — Я тут страдаю, понимаешь? Я пытаюсь достичь просветления через зефир, а ты... ты сидишь и записываешь мои неудачи в блокнот!

— Не только записываю. Я также анализирую. Вот смотри: за последние три недели ты сжёг двадцать четыре зефира из тридцати шести. Успешность — тридцать три процента. Но если исключить случаи, когда ты отвлекался на разговор, успешность возрастает до пятидесяти двух.

Ронан застыл. В его глазах медленно разгорались янтарные искры.

— У тебя есть таблица. Моих. Зефиров.

— И график. С цветовой кодировкой. Зелёный — успех, красный — неудача, жёлтый — частичный успех с незначительным подгоранием.

— Сайлас.

— Да?

— Я тебя сейчас ударю.

— Вероятность — двадцать процентов. Ты слишком удивлён, чтобы драться. Когда ты удивлён, твой гнев запаздывает на четыре-пять секунд. Я замерял.

Ронан сжал кулаки. Потом разжал. Потом издал звук, похожий на смесь рычания и смеха.

— Ты замерял задержку моего гнева.

— Конечно. Это помогает предсказывать твои реакции.

— Ты предсказываешь мои реакции!

— С точностью до семидесяти восьми процентов. В остальных случаях ты ведёшь себя иррационально, и это портит статистику.

— Я порчу тебе статистику?!

— Регулярно.

Кaleb лежал на крыше и смеялся — тихо, беззвучно, чтобы не пропустить ни одной реплики. Это было лучшее лекарство. Лучше любых таблеток, лучше любых техник релаксации. Ронан и Сайлас, спорящие о зефире с такой страстью, будто речь шла о судьбах мира.

— Знаешь что, — Ронан ткнул пальцем в сторону Сайласа, — когда-нибудь я всё-таки поджарю идеальный зефир. И ты запишешь это в свою таблицу зелёным цветом.

— Я с нетерпением жду этого момента.

— Правда?

— Правда. Это улучшит твою статистику. Мне надоело видеть красный.

Ронан застыл с открытым ртом, не зная, обижаться или смеяться. В итоге он сделал и то, и другое — издал короткий смешок и одновременно замахнулся на Сайласа, но тот уже привычно увернулся.

— Промах.

— Я не промахнулся. Я передумал.

— Передумал за долю секунды до контакта? Это физически невозможно.

— Я — ходячее пламя. Я нарушаю законы физики.

— Законы физики нельзя нарушить. Их можно только обойти при определённых условиях.

— Я — определённое условие!

— Мальчики, вы опять?

Третий голос — не мысль, настоящий, живой, — прозвучал от кромки леса. Элара Веспер вышла из темноты. Лунный свет лежал на её пепельно-русых волосах серебром. Коса, переброшенная через плечо, чуть растрепалась, и несколько прядей выбились у висков. В руках она несла плетёную корзинку, а на губах играла та самая улыбка, от которой у Калеба всегда сбивалось дыхание.

— Он начал первый, — сказал Ронан, указывая прутиком на Сайласа.

— Я констатировал факт, — возразил Сайлас. — Констатация факта не является актом агрессии.

— Ты констатировал факт о моих зефирах! О моих чувствах!

Элара подошла к фургону и с лёгкостью, которой трудно было ожидать от человека с корзинкой, забралась на крышу. Устроилась между Калемом и тем местом, где сидел Ронан.

— Бабушка передала пирог. Яблочный. Сказала: «Твои друзья слишком худые, особенно тот, который всё время считает».

— Я не считаю. Я анализирую.

— Она сказала: «Передай ему, что если он не съест два куска, я лично приду и накормлю его с ложечки».

Сайлас на мгновение замолчал, переваривая информацию.

— Это эффективная угроза, — признал он. — Твоя бабушка — единственный человек в городе, которого я не могу просчитать.

— Потому что она старше тебя на шестьдесят лет и знает о жизни больше, чем ты — о квантовой механике.

— Я знаю о квантовой механике всё. О жизни — пытаюсь узнать. Это сложнее.

— Это потому что жизнь — не уравнение, — сказала Элара.

— Всё — уравнение. Просто некоторые уравнения слишком сложны для моего текущего уровня понимания.

— Ты сейчас сказал, что ты недостаточно умен для жизни?
Сайлас задумался.

— В некотором смысле. Я умен для физики, математики и информатики. Для жизни мне не хватает... чего-то.

— Сердца, — подсказал Ронан, забираясь обратно на крышу.

— Сердце — это мышца. У меня она есть и функционирует нормально.

— Ты безнадежен.

— Это мы уже обсуждали. Сто пятьдесят первый раз, если быть точным.

Элара рассмеялась, доставая пирог. Запах яблок, корицы и чего-то уютного поплыл над фургоном.

— Бабушка сказала, что это «пирог для странных, но хороших детей».

Телефон Ронана коротко завибрировал на крыше. Он взглянул на экран и поморщился с той покорностью, которая появлялась у него только в разговорах с отцом.

— Мне велено напомнить, что завтра я обещал помочь в пекарне до восьми. Цитирую: «Если ещё раз проспишь, будешь месить тесто руками до пенсии».

— Угроза выполнима, — заметил Сайлас.

— Не помогай ему.

Следом загорелся экран телефона Сайласа. Он прочитал сообщение, ничего не ответил и убрал аппарат обратно.

— Мама? — спросил Кaleb.

— Да. Хочет знать, когда вернусь.

— И что ты написал?

— Реалистичный диапазон.

Ронан застонал.

— Когда-нибудь твоя мать попросит у тебя просто «скоро», и ты сломаешься.

Сайлас поправил очки.

— Она знает, кого воспитала.

— Мы не дети, — заметил Ронан, отламывая кусок.

— Для неё все моложе семидесяти — дети. Привыкай.

— Мне это нравится, — сказал Кaleb. — Быть чьим-то ребёнком.

Элара взглянула на него. В её зелёных глазах мелькнуло понимание. Она знала, что он имел в виду.

— Ты — наш, — сказала она тихо. — Этого достаточно.

Кaleb кивнул. Слова застряли в горле. Он взял кусок пирога и молча ел, глядя на звёзды.

— Кстати, — сказал он через минуту, — шериф Маркус сегодня размышлял кое о чём ещё.

— О пончиках? — хором спросили Ронан и Сайлас.

— Не только. О машине. Чёрный седан. Стоял у въезда в город три дня подряд.

Сайлас оторвался от пирога.

— Марка?

— Я не разбираюсь в машинах. Но номера правительственные. Шериф попытался пробить по базе — и не смог.

— Это странно. — Сайлас достал блокнот и сделал пометку. — Номера похожи на служебные, но в открытых и доступных мне реестрах их нет. Либо они поддельные, либо машина принадлежит структуре, которую обычный поиск не покажет.

— Может, просто сбой системы? — предположила Элара.

— Данных мало, чтобы считать вероятность. Но совпадением я бы это пока не называл.

— То есть это не совпадение, — сказал Ронан.

— Скорее всего, нет.

Несколько секунд никто не говорил. Ветер зашумел в кронах. Где-то далеко залаяла собака.

— Завтра проверим, — сказал Ронан. — Если машина ещё здесь — узнаем, кто за рулём.

— Нет, — сказал Кaleb. — Я сам.

— Ты?

— Если это кто-то опасный, я услышу его мысли раньше, чем он успеет что-то сделать.

— А если он тоже слышит мысли? — спросил Сайлас.

Кaleb замер. Эта мысль не приходила ему в голову.

— Тогда я хотя бы узнаю об этом первым.

Ронан хотел возразить, но передумал. Он знал этот взгляд Калеба — упрямый, сосредоточенный. Спорить было бесполезно.

— Я пойду с тобой, — сказал он.

— Я тоже, — добавил Сайлас, закрывая блокнот. — Кто-то должен вести протокол наблюдения. И, возможно, вызвать скорую.

— Оптимистично, — заметил Кaleb.

— Реалистично.

Элара ничего не сказала. Но её рука нашла руку Калеба и сжала её. Молча. Она всегда говорила молча — и это было громче любых слов. Ночь сгущалась. На окраине Миллерс-Ридж, у давно закрытой заправки, чёрный седан по-прежнему стоял с выключенными фарами. Из леса его почти не было видно; из города — тем более. За тёмным стеклом иногда менялся едва различимый силуэт, и только это выдавало, что машина не брошена. Они смотрели на спящий Миллерс-Ридж.

И ждали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.